

«Утверждаю»

Проректор МГУ имени
М.В.Ломоносова

доктор физико-математических наук

 А.А.Федянин

«» 2014 г.

О Т З Ы В

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» на диссертацию Дронова Михаила Юрьевича «Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919-1938)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история)

Диссертационное сочинение Михаила Юрьевича Дронова «Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919-1938)» является самостоятельным исследованием, отвечающим всем требованиям, предъявляемым к работам, представленным на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Она состоит из 250 страниц оригинального текста (включающего введение, две главы, заключение), объемного списка использованных источников и литературы и приложения.

Сразу же следует подчеркнуть, что значимость для отечественной исторической науки этого сочинения, подготовке которой было отдано более 10 лет, обуславливается совершенно объективными факторами.

Актуальность темы исследования обусловлена многими аргументами и не вызывает сомнений. Прежде всего, она определяется тем, что последствия трансформации русинского общества, проходившей в

межвоенный период, ощутимы до сих пор. Дискуссии об этнонациональной идентичности этого народа перманентно вспыхивают с новой силой, особенно в кризисные периоды истории Центральной Европы. Фактически в диссертации рассматривается весь круг возможностей процесса трансформации донациональной идентичности населения восточной части современной Словакии в этнонациональную. На конкретном материале показана поливариантность идентификации населения этого региона, убедительно раскрыты механизмы укрепления и сохранения в период с 1919 по 1938 г. именно русинской этнонациональной идентичности, когда эти процессы проходили особенно интенсивно.

Не менее существенен для высокой оценки этого труда и тот факт, что данная диссертация представляет собой достаточно редкое и удачное сочетание теоретических размышлений, наблюдений и глубокого анализа реальных процессов, проходивших в жизни русинов.

Кроме того, использование широкого спектра источников, большинство из которых труднодоступно даже для ученых, работающих непосредственно в Словакии, ставит эту диссертацию в один ряд с исследованиями, ведущимися в этой стране.

В этом контексте следует отметить, что анализ имеющейся на сегодняшний день литературы, мог бы быть более подробным и глубоким. Разумеется, для междисциплинарного исследования, коим является эта диссертация, это не простая задача. Однако для уже сложившегося и заявившего о себе на историческом поле автора историографический обзор, который представлен во введении, когда говорится о степени научной разработанности проблемы, носит откровенно формальный характер. На наш взгляд, в этом случае отдана «дань» такому жанру как квалификационная работа и не более.

Между тем, особенно учитывая дискуссионность проблематики и особую вариативность мнений, в нем явно недостаточно доказательной базы для порой просто полярных точек зрения. В этом смысле любопытен даже такой формальный факт, когда историографический обзор занял 11 страниц текста (С.8-19), а список литературы – 12 (С.256-268). При этом публикаций, «которые прямо перекликаются с темой» исследования «относительно немного». Можно лишь сожалеть, что их анализ занял всего лишь 19 строк (С.8-9). По-видимому, не случайно список помещен под рубрикой «библиография».

Конечно, диссертант имеет полное право на защите утверждать, что непосредственный анализ точек зрения ведущих историков (им «повезло» больше), таких как Ян Гусек (с. 26, 35-37, 133, 162, 187), П.-Р. Магочи (с. 38, 40, 133, 210), А.Л. Петров (с.32,38, 98), о. Цирил Василь (с. 132) присутствует в самом тексте его сочинения. Кроме того, частично оценочные суждения автора диссертации имеются в подстрочнике. Однако, на наш взгляд, этот материал в силу своей фрагментарности, «разбросанности» по более чем двухсотстраничному тексту не дает целостного представления об историографическом процессе и реальном вкладе того или иного исследователя в разработку проблематики.

Историки, профессионально занимающие этим периодом, конечно же, могут сказать, что обширный список литературы, который приведен в конце работы, также можно дополнить важными, с их точки зрения, трудами по смежной проблематике. И это действительно так. Однако следует признать, что автор глубоко изучил труды своих предшественников. Бесспорно и то, что, учитывая их значительное число, этот процесс потребовал значительных усилий.

Что касается характеристики источниковой базы исследования (с. 19-23), то она уязвима по весьма парадоксальному моменту. Автору диссертации, несомненно, исследователю целеустремленному и настойчивому в своих поисках, оказался доступен огромный, в чем-то даже исчерпывающий, источниковый ресурс. Практически все виды источников, использованные в работе, уникальны по своей значимости. Однако их презентация автором крайне формальна. Так, характеристике прессы, а речь, например, идет об официальных и неофициальных органах печати Прешовской и Мукачевской греко-католической епархий, русинских изданиях Словакии и Подкарпатской Руси, словацкой и галицийской периодике – всего 22 наименования – отведено 12 строк (с. 22-23). Чуть более подробные сведения о печатных органах этих двух епархий даны на с. 89-91 текста диссертации, но при этом ничего не сказано об аналогичной деятельности Гайдудорожской епархии. Простым перечислением ограничился автор и при характеристике издательской деятельности культурно-просветительского общества «Просвита» (с.211 – 212) и его конкурента Общества имени Александра Духновича (с. 214). На этом фоне заметным исключением является анализ ситуации вокруг газеты «Русское Слово», ее национально-языковой линии (с.234-238).

Что касается непосредственного *содержания диссертации*, то следует признать, что она чрезвычайно интересна, поскольку является, по сути, обобщающим трудом по чрезвычайно сложной, поливариативной проблематике. Более того, своими историческими экскурсами она выходит далеко за обозначенные хронологические рамки – 1919-1939 гг., вплоть до Средневековья.

Представленная к защите работа требует особенной четкости в использовании понятий, терминов, да и авторских формулировок. В этом контексте следует заметить, что автор неоднократно останавливается на «моделях этнонациональной идентичности», «модерных национальных категориях». Употребление исключительно понятия «модерная идентичность» (в различных вариантах) и полный отказ от понятия «современная нация» вряд ли оправдано

В этом смысле диссертант оказался в сложной ситуации. Об этом свидетельствует глава первая, особенно ее первый параграф, посвященный анализу «донациональной идентичности русинов» и различных предлагавшихся им вариантов «этнонациональной идентичности» (с.25-68 диссертации). Так, на наш взгляд, само название главы «Донациональная этническая и этнонациональная идентичности русинов» требует уточнения. Подобная формулировка вряд ли допустима, поскольку речь идет уже об определившем свою идентичность как русины населении пограничья. Также несколько смущает и вторая часть предложения. Учитывая особую «въедливость» диссертанта при анализе, как текстов своих предшественников, так и источников, она кажется в известной степени уязвимой, поскольку в таком варианте подразумевается глубинная переориентация уже определившегося в национальном самосознании не отдельного индивидуума, а целого народа. По сути же речь должна идти о «донациональных руснаках – по вере и языку», как пишет сам автор на с. 66, и объективно существовавших возможностях развития процесса формирования собственного национального самосознания, а не выборе какого-то варианта из мозаики «модерных этнонациональных идентичностей».

Что касается включения автора в дискуссию о формировании этнонациональной идентичности русинов в Словакии, то он не посчитал целесообразным высказать свои соображения об «изоляционном национализме», который неизбежно сопровождает такие процессы. Практически в сноске, без какой-либо аргументации, осталось и уточнение,

что автора интересуют «исключительно этнонациональные», а не «одноименные политические или региональные идентичности».

На основании анализа модели этнонациональной идентичности, автор приходит к выводу, что южнокарпатским русинам было свойственно наличие «сразу несколько идентичностей» (с. 41), причем «русинская идентичность – наименее определенная» (и. 47-49). Достаточно жестко говорится «именно об идентичностях, а не о широких национально-языковых ориентациях, течениях или движениях» (с. 40). К ним он относит русофильство, украинофильство и мадьяронство. Что касается «моделей», то в работе дана характеристика с разной степенью детализации 18 идентичностям (венгерская, русская, русинская и рутенская, руснацкая, малорусская, украинская, карпаторусская, карпато-русинская и т.п., угро-русская, угро-русинская и т.п., подкарпаторусская, подкарпаторусинская и т.п., лемковская, чехословацкая, словацкая, словяцкая, сотацкая).

Вызывает некоторые сомнения тезис о том, что «принятие русинами ...чехословацкой этнонациональной идентичности было возможно посредством признания себя словаками..., которые в соответствии с этой популярной еще перед образованием Чехословакии концепцией рассматривались как часть единого чехословацкого народа – не в политическом, а именно в этническом смысле» (с.62). В этой связи хотелось бы отметить, что, начиная с эпохи национального Возрождения, все-таки говорилось о «чехославянском племени».

На фоне общетеоретических рассуждений, особой четкостью изложения материала отличается второй параграф первой главы, посвященный описанию положения греко-католической церкви как общественной институции (с. 69-93).

Весьма органичен для диссертационного сочинения параграф третий этой главы (с. 93-130), поскольку в нем раскрываются «донациональные индикаторы этничности греко-католицизма», этнокультурный облик духовенства и этнонациональный имидж церкви.

Интересно наблюдение автора, что в случае с русинами «особенно негативную роль играл слабый престиж собственного этноса и конфессии, длительное отсутствие этнонациональной идентичности...» (с. 106).

Центральной для полного раскрытия темы диссертации является вторая глава (хотя она и равна по объему первой: 116 и 106 с. соответственно) «Сферы воздействия Греко-католической церкви на формирование этнонациональной идентичности русинов». В качестве

основных объектов такого воздействия автор рассматривает религию, образование, культуру и политику, которые предстают собой «конкретные области жизни, в рамках которых церковь прямо или косвенно влияла на идентификационные процессы» (с. 19 автореферата).

Что касается такой деликатной сферы взаимоотношений как церковь и общество, то надо отдать должное автору, попытавшемуся, насколько это возможно, восстановить сложную картину их взаимодействия. На протяжении всей работы проводится мысль, что греко-католический храм играл роль хранителя русинских начал. Особенно познавателен материал, раскрывающий сложный процесс латинизации и ориентализации литургии, специфику движения за чистоту восточного обряда (на примере судьбы о. Ириней Ханата и др. священнослужителей – с.133-139), показывающий деятельность конгрегации редemptористов (с. 139). Общее наблюдение диссертанта об ограниченном масштабе «русофильского течения» в церковной жизни южнокарпатских греко-католиков (с.136) не вызывает возражений.. Также весьма доказательно его утверждение, что резкого размежевания между «восточниками» и «латинизаторами» в местной церковной жизни не было (с. 133), а восточная обрядовость на практике греко-католическими верующими воспринималась «чаще всего как чуждая». В этом смысле было бы интересно раскрыть этот тезис на конкретном материале с такой же тщательностью, с которой выполнена вся работа. Этот принцип обратной связи (воздействие паствы на церковь) чрезвычайно важен для изучаемой проблематики, но он присутствует далеко не всегда.

Чрезвычайно важной была проблема языка проповеди, имевшая в изучаемом регионе многовековую историю. В этом контексте автор подчеркивает значение «русинского или русинизированного языка проповеди». В целом картина воздействия церкви на языковую ситуацию достаточно убедительна, причем диссертант совершенно справедливо подчеркнул, что нельзя преувеличивать воздействие священников на речь прихожан (с.148).

Весьма любопытны страницы диссертации, описывающие ситуацию с праздниками в греко-католическом церковном году, с культом святых, особенно св. Кирилла и Мефодия, высказанное автором положение о том, что их универсальность имела и обратную сторону (с.151-158). В диссертации практически полностью отсутствует комплиментарность по адресу восточной обрядовости, говорится о враждебности православия

греко-католицизму, обуславливающей актуализацию карпаторусской и русинской идентичностей (с. 159).

Обширный по объему 2-й параграф второй главы посвящен анализу греко-католической образовательной системы (с. 160-206). Общий тревожный тон этой части исследования задает утверждение, что «в начальных школах русинских районов Словакии господствовал настоящий языковой хаос» (с. 165). В то же время полномочные государственные структуры в лице школьных инспекций стремились утвердить в греко-католических школах словацкий литературный язык (с. 166-167). В этом контексте следует указать на тщательность диссертанта в воссоздании языковой палитры буквально по селам, а также соответствующей ситуации в гимназиях, учительской и богословской семинарии в Прешове. Именно поэтому аргументированность положения об уникальной роли «русскости», несмотря на отсутствие на протяжении длительного времени какого-либо языкового стандарта, поскольку унификация на практике началась только в 1929 г., в процессе формирования этнонациональной идентичности русинов не вызывает сомнений. Обращает на себя внимание акцент на прагматизм русинского обывателя в вопросе о получении образования на словацком языке, особенно молодым поколением, ориентированным на достижение успехов в карьере.

Параграф третий второй главы, хотя и назван «Культура и политика» (с.207-247), посвящен преимущественно анализу воздействия церкви на культурную жизнь рядовых верующих. Причем и здесь акцент сделан на язык изданий. В этой связи тезис о распространении в 30-е годы «первичной украинской этнонациональной идентичности», на наш взгляд, требует дополнительного изучения. В данном случае явно недостаточна ссылка на «пристрастный», согласно оценке автора диссертации, комментарий Ивана Попа.

Что касается политической составляющей, то она, учитывая идеологические особенности деятельности культурно-просветительных обществ (примером может служить «Декларация» 1931 г. духновичовцев – с. 219-221), только декларирована, представлена лишь пунктирно, скорее даже опосредованно.

Диссертация наполнена обилием имен, которые далеко не всегда сопровождаются не только краткими биографическими справками, то даже указанием годов жизни и профессиональной деятельности. Что касается географических названий, а их также множество, то карта расселения

русинов (Приложение 1) помогает сориентироваться в пространстве. Однако имеющаяся легенда явно требует доработки (хотя бы в цвете).

Присутствуют в тексте диссертации и стилистические небрежности. Например, на с. 40 говорится: «как правило, в этой связи упоминают триаду русофильство – украинофильство – русинофильство и мадьяронство». В таком контексте не ясно, какое из направлений следует оставить за скобками. Имеются в тексте стилистические погрешности (например, «тяжело верится» (с.153), бардеевская инспекция, но ведь город – Бардеёв (167) и др.)

В заключение необходимо еще раз указать на высокий профессиональный уровень соискателя. Об этом свидетельствуют не только его диссертационное сочинение, но и необычайно солидный список опубликованных работ. На момент подготовки отзыва их было 24, из которых 6 в рецензируемых научных журналах и изданиях.

Следует согласиться с большинством положений авторской концепции, выводами исследователя, включившегося в дискуссию с его предшественниками о возможности принятия населением словацко-украинского пограничья как восточно-, так и западнославянских идентичностей. В этом длительном и сложном процессе Греко-католическая церковь оказалась у русинов в роли лидера, наиболее активного игрока в противостоянии с государством и словацкой общественностью.

Вызывает признательность добросовестность автора, зачастую начинающего изложение своей точки зрения со слов «как показывают факты», чрезвычайно бережно относящегося к результатам труда предшественников, отсутствие у него как пристрастности, так и излишнего критицизма. Он отдает дань их вкладу в изучение смежной проблематики или же отдельных, более частных сюжетов (примером могут служить ссылки на Н. Штеца, Е. Рудловчак и других специалистов: историков, филологов, правоведов). Все это еще раз подтверждает высокую профессиональную квалификацию Михаила Юрьевича Дронова.

Суммируя все сказанное выше, следует подчеркнуть, что сделанные нами замечания не носят принципиального характера, не снижают научной оригинальности и значимости диссертационного сочинения М.Ю. Дронова, не касаются выносимых на защиту положений. Прделанная М.Ю.Дроновым большая исследовательская работа позволяет сделать вывод, что сформулированные во введении исследовательские задачи решены им в полном объеме. В результате, историография обогатилась работой,

существенно обогащая историю историографию истории словацких русинов, в научный оборот полноценно введен важный комплекс архивных и документальных материалов.

Автореферат и публикации М.Ю.Дронова отражают основное содержание диссертации. Исследование полностью отвечает всем требованиям, предъявляемым Положением о порядке присуждения ученых степеней, принятом ВАК при Минобрнауки РФ, а его автор, Михаил Юрьевич Дронов заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (новое и новейшее время).

Отзыв подготовлен к.и.н. доцентом Зоей Сергеевной Ненашевой и утвержден на заседании кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ «7» мая 2014 г., протокол № 8

Декан исторического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

академик РАН

Заведующий кафедрой истории южных и

западных славян исторического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

д.и.н. профессор

Отзыв подготовила доцент кафедры

истории южных и западных славян

исторического факультета МГУ

имени М.В. Ломоносова

С.П. Карпов

Г.Ф. Матвеев

З.С. Ненашева

Подписи
С. П. Карпова, Г. Ф. Матвеева,
З. С. Ненашевой

